

На правах рукописи

Кузнецов Андрей Владимирович

**КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ОПЫТА
В РАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЕ МИРА**

Специальность 5.7.8 Философская антропология, философия культуры

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
доктора философских наук

Курск 2024

Работа выполнена на кафедре философии, культурологии и социологии
ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет
им. К.Э. Циолковского»

Научный консультант: **Лыткин Владимир Владимирович**,
доктор философских наук, доцент,
заведующий кафедрой философии,
культурологии и социологии
ФГБОУ ВО «Калужский государственный
университет им. К.Э. Циолковского»

Официальные оппоненты: **Бакулов Виктор Дмитриевич**,
доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии и
методологии науки ФГАОУ ВО «Южный
федеральный университет»

Назарова Юлия Владимировна,
доктор философских наук, профессор, профессор
кафедры философии и культурологии ФГБОУ
ВО «Тульский государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого»

Финогентов Валерий Николаевич,
доктор философских наук, профессор, профессор
кафедры истории, философии и русского языка
ФГБОУ ВО «Орловский государственный
аграрный университет имени Н.В. Парахина»

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Южно-Российский
государственный политехнический университет
(НПИ) имени М.И. Платова».

Защита состоится 25 декабря 2024 г. в 15.00 на заседании совета по
защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на
соискание ученой степени доктора наук 24.2.322.01 по философским наукам
при ФГБОУ ВО «Курский государственный университет» (РФ, 305000,
Курская область, г. Курск, ул. Радищева, д. 29, ауд. 816).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВО
«Курский государственный университет» (РФ, 305000, Курская область,
г. Курск, ул. Радищева, д. 29).

Автореферат разослан _____ 2024 г.

Автореферат и диссертация размещены на официальном сайте Курского
государственного университета: <http://www.kursksu.ru>.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор философских наук

О.Н. Дьяченко

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Философские проблемы, связанные с концептуализацией антропологического опыта в рациональной картине мира, образуют междисциплинарное предметное поле философов, культурологов, науковедов, когнитологов и других ученых в специальных областях знания. Компендиум обоснования знания расширяется, таким образом, за счет проблематики, имеющей отношение к генезису рациональной картины мира, как результату когнитивной деятельности человека и продукта социокультурных факторов.

Техногенный и технологический аспект культурно-цивилизационных систем обуславливает, в известной степени, пиетет науки в ее статусных и символических аспектах. Широко представленный в современном философском и научном дискурсе концепт «картина мира» и полемика относительно его понятийного, гносеологического и методологического содержания свидетельствует о наличии разногласий концептуального характера. Единство рационального знания, его концептуализация, обусловлены неоднозначностью роли субъекта, изучением онтологических, философско-антропологических, философско-культурологических и других характеристик бытия человека в мире и в комплексе смысловых и структурных связей. Обращение к философско-антропологической рефлексии способствует многоаспектному осмыслению сфер человеческой деятельности в контексте социокультурной динамики науки.

Философско-антропологическая, философско-культурологическая и философско-методологическая рефлексия направлена на выявление механизма образования общего поля понимания конструктивных решений, находящихся свое отражение в концептуализации рациональных картин мира; конструировании научно-философского современного миропонимания, обуславливающего первостепенное мировоззренческое значение для развития культуры, философии и науки.

С позиций философско-антропологического дискурса знание непосредственно связано с культурно-историческим генезисом научных принципов, входящих в основания рациональной картины мира, с его последующей концептуализацией, что и определяет актуальность понимания роли антропологического, человеческого опыта в осмыслении мироздания. Это позволяет решить такие чрезвычайно актуальные проблемы философской антропологии как взаимосвязь структур логико-вербального и пространственно-образного мышления, объективная взаимообусловленность способности сознания генерировать идеальные конструкты, концептуальные системы и аналитические стратегии мышления.

В рамках настоящего исследования актуализирована задача исследования в философско-культурологическом, философско-антропологическом, контекстно-смысловом измерениях общего поля понимания конструктивных решений, находящих свое отражение в содержательной взаимосвязи рациональной и языковой картин мира с человеческим опытом, в том числе с социокультурной средой и экзистенциальной повседневностью.

Степень научной разработанности проблемы. Тематика концептуализации опыта человека в рамках аналитических стратегий мышления при формировании рациональной картины мира так или иначе ставилась и решалась в классической философии А. Бергсона, Дж. Беркли, Ф. Бэкона, Л. Витгенштейна, Г. В. Ф. Гегеля, Дж. Гоббса, Ж. Делёза, Р. Декарта, И. Канта, Дж. Локка, Б. Рассела, Л. Фейербаха, П. Фейерабенда, И. Г. Фихте, В. Й. Шеллинга, Д. Юма и других мыслителей, на работы которых ориентировался автор в своём философском поиске.

Взаимосвязь опыта, «фактов» научного знания и их рационально-логической экспликации была центральной в философском позитивизме во всех его исторических формах. Первые позитивистские школы сам этот «опыт» и «эмпирические факты» понимали или в сциентистских формальных измерениях, или узко прагматически. Но особенно данная проблематика актуализировалась под влиянием Г. Фреге и Б. Рассела в логическом позитивизме (Венский кружок) под эгидой М. Шлика, основным манифестом которых стала достаточно утопическая идея создания некоей «унифицированной науки».

Первым выступил против абсолютизации «достоверного эмпирического опыта» как достаточного рационального основания «научной картины мира» К. Поппер. Он усомнился в эффективности неопозитивистского принципа верификации и логического описания «эмпирического опыта», которые не дают истинно рациональных оснований научного знания даже при получении индуктивного знания из «опыта реального мира». К. Поппер противопоставил неопозитивизму свой «критический рационализм» с его принципом фальсификации, опорой на «здоровое, критическое мышление», «обыденный опыт». Он утверждал, что невозможно полностью рационализировать наше знание и познание, так как в любой науке мы не можем до конца формализовать «ментальный мир» человека, поэтому в любой рациональной «картине мира» остаётся неискоренимый иррационализм и «метафизический осадок».

Проблема взаимосвязи языка, обыденного человеческого опыта и знания с логическим мышлением учёного и философа нашла своё отражение уже в «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейна, который также не

вписывался в философско-логический эмпиризм Венского неопозитивистского кружка. Л. Витгенштейн выдвинул идею идентичности логической структуры языка онтологической логике мира, что и позволяет нам в простых логических высказываниях рационализировать эмпирические, наблюдаемые факты. Но в ряде мыслительных систем, таких как искусство, этика и метафизика, язык обнаруживает порой бессмысленность, так как касается описания не наблюдаемых (иррациональных) фактов, поэтому здесь лучше молчать (перед самим фактом возможной «бессмысленности языка»). В «Философских исследованиях», опубликованных посмертно, Л. Витгенштейн ещё больше погрузился в иррациональную стихию повседневного языка человеческого общения и роли языковых игр в создании обыденной картины мира, что позволило говорить о том, что он сводит философию и логику к психотерапевтическим практикам. В поздних рукописях философ прямо обращается к иррациональным и экзистенциальным проблемам человеческого бытия в их языковой осмысленности или бессмысленности, в чем сказалось, несомненно, его раннее увлечение идеями А. Шопенгауэра и С. Кьеркегора.

Несомненно, что идеи Л. Витгенштейна повлияли в первой трети XX века на теории лингвистической относительности, роли категорий языка и когнитивных категорий в построении картин мира Э. Сепира и Б. Уорфа, которые в свою очередь можно соотнести с поисками западной антропологии во главе с Ф. Боасом социокультурной обусловленности архаических картин мира. Возможно, идеи Витгенштейна, гипотеза Сепира–Уорфа, а также работы американской культурной антропологии были восприняты в исследованиях советской школы культурно-исторической психологии, основание которой заложил Л.С. Выготский в 30-е годы прошлого века.

В конце предыдущего столетия зарубежные философы развивали обозначенное тематическое пространство в рамках истории и социологии науки, социологии познания, образования и экономики знания, которые дали многочисленные идеи о социокультурной, социально-экономической и культурно-исторической детерминации повседневной и рациональной картин мира человека. Проблема антропологического опыта и его социокультурной обусловленности в концептуализации рациональной картины мира в той или иной степени присутствует в работах и идеях таких авторов, как П. Бурдьё, Дж. Бернал, Э. Гидденс, А. Горц, Ф. Гватари, Ж. Делёз, Д. Дьюи, Б. Р. Кларк, Т. Кун, И. Лакатос, Б. Латур, К. Манхейм, Р. Мертон, М. Мид, Дж. Нидхэм, Д. Прайс, М. Полани, Ст. Тулмин, П. Фейерабенд, М. Фуко, Р. Шеннон, К. Ясперс и многие другие авторы.

Если не считать критику (в основном часто догматическую) идей западной философии, культурной антропологии и лингвистики о связи языка,

когнитивных структур, мировоззрения человека и картины мира (в том числе научной), которую мы обнаруживаем в советской философии 60/80-х годов прошлого века, то данная проблематика была инкорпорирована в дискурсе отечественной философии и методологии науки. При этом основные достижения были получены уже в современных работах тех авторов, которые своё внимание сосредоточили на философско-антропологических и философско-культурологических аспектах культурно-исторической эпистемологии (Н.С. Автономова, П.П. Гайденко, В.А. Лекторский, В.П. Зинченко, В.В. Ильин, С.Б. Крымский, Л.А. Микешина, Н.В. Мотрошилова, В.Н. Порус, Б.И. Пружинин, В.С. Степин, В.С. Швырев, Т.Г. Щедрина, Б.Г. Юдин и многие другие).

В российской философии с опорой на философскую антропологию и философию культуры, герменевтику и когнитивистику, культурно-историческую эпистемологию и культурно-историческую психологию большое наполнение в работах многих авторов получили теория научных и ненаучных форм знания, социологии знания и познания, социологии и психологии науки, антропологии науки и паранауки, явного и неявного знания и так далее. Это тематическое поле, как и проблемы формирования концептуального и рационализованного опыта, его роли в выработке социокультурных и культурно-антропологических и философско-культурологических стратегий познания мира, присутствует во многочисленных публикациях В.С. Библера, П.С. Гуревича, В.Е. Давидовича, Г.В. Драча, А.Н. Ерыгина, Е.В. Золотухиной-Аболиной, И.Т. Касавина, С.П. Курдюмова, В.Н. Князева, Е.Н. Князевой, Т.Г. Лешкевич, Т.П. Матяш, Н.Н. Моисеева, Н.В. Мотрошиловой, М.К. Петрова, В.Н. Поруса, Б.И. Пружинина, Е.Я. Режабека, В.П. Римского, В.М. Розина, Т.В. Торубаровой, А.Я. Флиера, С.П. Щавелёва и многих других отечественных исследователей.

Вопросы, поднятые в работах выше названных авторов, говорят о необходимости расширить горизонты и глубины исследования в понимании роли языка, повседневного антропологического опыта и когнитивных структур сознания на рационализацию не только научной, но и обыденных «картин мира», связанных с экзистенцией человека. Это также напрямую связано с ролью антропологического опыта в рационализации современного мировоззрения и картины мира, которая оказывается гораздо объёмнее её научного ядра, одного из многих концептуальных и ментальных формообразований.

Однако, именно концепт «антропологический опыт» остаётся мало отрефлексируемой философской конструкцией. Всё это и обозначило

философско-антропологическое и философско-культурологическое тематическое поле данного диссертационного исследования.

Объект исследования – *антропологический опыт в целостной картине мира современного человека.*

Предмет исследования – *когнитивно-аналитические и языковые стратегии мышления в концептуализации антропологического опыта в картине мира.*

Цель диссертационного исследования – *реконструкция и понимание концептуально-категориальных форм антропологического опыта в конструировании рационального познания действительности.*

Достижение этой цели подчинено решению следующих исследовательских задач:

– на основе историко-философской интерпретации диалога рационализма и сенсуализма в классической философии Нового времени разработать первичное авторское определение концепта «антропологический опыт»;

– обосновать значение философской и междисциплинарной концептуализации антропологического опыта в познании реальности как признание эквивалентности и сопряжения естественнонаучного и социально-гуманитарного дискурсов науки;

– на основе философско-антропологического и философско-культурологического подходов выявить логико-вербальные и пространственно-образные формы антропологического опыта в познании мира в контексте неэпифеноменальности, социокультурной обусловленности сознания человека;

– определить когнитивные параметры категоризации и концептуализации антропологических репрезентаций реальности в ментальных формах творческой активности человека;

– соотнести системный дискурс в осмыслении картины мира человека с философско-антропологической категоризацией реальности в антропологическом опыте;

– раскрыть механизмы концептуализации антропологического опыта в рамках исторического и культурно-генетического понимания генезиса и развития познания реального мира конкретно-историческим человеком;

– соотнести чувственно-созерцательные схематизмы (категории) с концептуальной трансдукцией, переносом и инкорпорированием антропологического опыта человека в структуры эмпирического обоснования рационального познания;

– установить особенности теоретической концептуализации и категоризации антропологического опыта человека в рациональном познании

как базовой основы конкретно-исторических, мировоззренческих и научных картин мира.

Теоретико-методологические основания диссертационного исследования связаны с осмыслением историко-философских и историко-научных первоисточников с целью разработки авторского философско-антропологического определения понятий «антропологический опыт» и «картина мира». Данная проблематика нами изучалась, прежде всего, в рамках философско-антропологического, социально-когнитивного и историко-генетического подходов в осмыслении категориально-понятийного поля диссертации.

Познание исторической и логической подвижности рационального знания и философии как содержательного ядра в формировании мировоззрения и картины мира современного человека предполагало опору на диалектическую методологию с её основными принципами универсальной взаимосвязи, системности и развития, понимаемых как его противоречивость и переход количественных изменений в качественные, восхождения от абстрактного к конкретному, историзма в единстве исторического и логического, а также объективности и конкретности истины.

В исследовании человеческого сознания, мышления и познания, фактов научного и обыденного опыта в концептуализации и рационализации картины мира мы использовали методологический потенциал философской феноменологии и герменевтики, методологию системно-структурного, системно-функционального, контекстно-смыслового подходов, социокультурной обусловленности мышления, познания и творческой активности человека в познавательном процессе, наполненном экзистенциальными смыслами.

Новизна научного направления, представленного в диссертации, заключается в решении крупной философско-теоретической проблемы конструктивного и концептуального обоснования рациональной картины мира в горизонте категоризации и реконструкции культурно-исторического развития антропологического опыта как основания знания в оптике философско-антропологического и философско-культурологического подходов.

Основные результаты научной новизны исследования:

1. Разработано первичное авторское категориальное определение концепта «антропологический опыт», как ментального поля творческо-познавательной активности конкретно-исторического учёного, мыслящего и познающего человека, выявляющего практическое содержание знания в личностном опыте на основе осмысления множества внеэмпирических (метафизических, культурно-коммуникативных и т.п.) критериев истины,

сопряженных с философскими установками, экзистенциальными и аксиологическими смыслами.

2. Обосновано, что структурно-функциональные элементы категориально-понятийной системы знания связаны в реальном мышлении человека с образами, концептами, знаками и символами, как специфическими мыслеформами (неформализованными понятиями или не рационализированными образам), предполагающими процедуры моделирования знаково-символических систем в формах ментального хронотопа.

3. Определены предметность мышления человека в контексте социокультурного онтогенеза сознания и признаки внеэмпирического содержания концептуальных форм знания как репрезентаций индивидом логической целостности мира в антропологическом опыте постижения реальности.

4. Эксплицированы когнитивные параметры категоризации и концептуализации антропологических репрезентаций реальности в ментальных формах, что позволило дать характеристику специфической взаимосвязи философских и научных принципов в системе рационального знания о мире.

5. Предметно концептуализирован принцип структурности картины мира человека в его соотнесённости с философско-антропологической проблемой категоризации реальности в антропологическом опыте.

6. Содержание и механизмы историзма антропологического опыта в рамках темпоральной дивергенции и культурно-генетического обоснования отражают историческую динамику в познавательных императивах человека и рациональной картине мира.

7. Доказана связь концептуализации и категоризации в познании через соотнесение, синтез и перенос антропологического опыта на структуры эмпирического обоснования рациональной картины мира.

8. Установлены особенности теоретической концептуализации и категоризации антропологического опыта в рациональном познании как базовой основы картины мира.

Положения, выносимые на защиту

1. Историко-философская рефлексия позволила описать антропологический опыт как самосознание и формы ментальности конкретно-исторического, «живого» учёного, который на всех этапах собственной рационально-познавательной деятельности осуществляет критическое и самосознательное осмысление собственной ментальной творческой активности, нагруженной экзистенциальными

и аксиологическими смыслами. Антропологический опыт в экзистенциально-культурном контексте является результатом и источником когнитивной эволюции человека: от филогенетического истокового приспособления к условиям среды и формирования идеальных познавательных структур к реальным способам мышления. Преобразование природы и создание культуры и техносферы, как второй природы, не позволяет нам в полной мере утверждать о процессах адаптации человека к объекту (окружающая действительность, бытие человека в природе), так как он сам не остается неизменным. Техносферное искусственное бытие человека в мире неизменно порождает культуру такого порядка, которая посредством духовной самореализации человека в определенных исторических условиях преобразует его природу, что ведёт к изменению не только субстратной основы человека, но и его когнитивных установок и ментальности в целом.

2. Метаязыковые высказывания, к которым мы прибегаем для описания и интерпретации любой теории (выступающей объектным языком), латентно погружены в лингвистический и общекультурный контекст. При этом символический язык в научном познании (как и в случае художественного мышления) создаётся не в отрыве от естественного языка, но конструируется с учетом наличных форм знания и логических процедур. Взаимосвязь структур логико-вербального и пространственно-образного мышления в формах концептуального знания предполагает дискурсивное использование логических понятий и концептов, как неформализованных образов, с целью регламентации познавательной деятельности. Культурно-коммуникативный и личностный контекст определяет семантические границы описания рациональной картины мира при осуществлении познания реальности, когда категории и понятия, слова и термины не существуют в отрыве от антропологического опыта.

3. Эмпирическое, априорное и неэмпирическое содержание концептуальных форм человеческого знания связаны с фактами коллективной лингвокультурной деятельности сообществ и человека на основе взаимосвязи структур логико-вербального и пространственно-образного мышления, что предполагает организацию фрагментарного антропологического опыта через декодирование первичных и вторичных знаково-символических систем в конкретно-историческом мышлении человека. Любые формы научного общения предполагают наличие коммуникативной стратегии в сознании «живого» исследователя и мыслителя. Феномены и эпифеномены познавательной активности сознания выступают реальными элементами в ментальной деятельности человека, а образы сознания получают статус идеальной меры в рационализации

антропологического опыта как учёного, так и массового потребителя научного знания.

4. Категоризация и концептуализация антропологических репрезентаций реальности связана с философскими и научными принципами системы знаний о мире, которые выполняют селективную роль в отборе фактора антропологического опыта в рационализации картины мира. Именно здесь присутствует тот «метафизический осадок» (К. Поппер), который предполагает аксиоматику научных постулатов, основанную на «вере» и прагматической «эффективности» так обоснованного знания. С позиции философско-антропологической взаимообусловленности принципа и контекста явления окружающего мира имеют для нас значение в той степени, которая определяет для нас возможность действия, приводящего к некоторому изменению мира. Множество сопоставлений действий с явлением становится для нас его признаками, то есть при/знак является для нас тем, что указывает на знак, или сущность явления, становится его смыслом. И само понятие/категория с необходимостью, концептуализируется, то есть приобретает в антропологическом опыте концептуальную трансформацию, сопряжённую с созданием контекста данного понятия. Процесс концептуализации в контексте категоризации формирует некий код, меняющийся в зависимости от расширения контекстного поля области референтных значений объектов философского анализа.

5. Концептуализация системно-структурной картины мира человека связана с осуществлением категоризации реальности как в антропологическом опыте, так и в его теоретико-логических конструкциях. Человек не воспринимает мир как набор изолированных элементов, а как картину мира, которую составляет описание и понимание как материальных предметных систем, так и социально-идеальных предметностей, наличных в любой пространственно-временной точке реальности. Системно-структурное единство рациональной картины мира основывается на категориальных принципах, отражающих всеобщие законы организации и самоорганизации природных и социокультурных систем. Это опровергает дихотомию систем убеждений, основанных на неизменных принципах (метафизика), и философской позиции, утверждающей, что реальность является по своей сути духовной или ментальной, связанных с противопоставлением трансцендентного и земного.

6. Концептуализация антропологического опыта предполагает учёт историзма в рамках темпоральной дивергенции и культурно-генетического обоснования антропологического опыта человека в познавательных императивах рационализации актуальной картины мира. Принцип историзма и культурно-генетический подход не столько противопоставляются

неисторическому дискурсу и основанному на нём системно-структурному подходу, сколько дополняют его. Процесс познания, когниция, рассмотрен в его культурно-историческом генезисе и развитии знания, как переход от непознанного к познанному, что позволяет реализовать понимание рационально-познавательной деятельности человека, конкретного представителя своей эпохи, самосознательной личности, а не абстрактного «субъекта» философской гносеологии. При таком ракурсе объект и субъект познания оказываются взаимосвязанными, сопряжёнными (конфлюэнтными, перетекающими друг в друга), а функционирование ментально-познавательной системы задаётся её социокультурной обусловленностью.

7. Эмпирическая концептуализация и категоризация антропологического опыта реализуется, прежде всего, в рациональном познании. При этом по способам отражения и конструирования действительности, приобретения и формирования, проверки и подтверждения действительности в антропологическом опыте необходим учет особенностей рационального мышления и строгое разграничение эмпирического и теоретического знания. Контакт человека с реальной действительностью посредством наблюдения и эксперимента обуславливает формирование эмпирического знания в антропологическом опыте, который аккумулируется в различных формах знания. В переходе от перцептивного плана антропологического опыта к эмпирическим обобщениям на основе выявления признаков (общих свойств) при классификации достаточно большого множества однотипных объектов формируются основания гипотез, определяющие комплекс познавательных установок. Наглядность специфических образов действительности необходима как для объяснения, так и для понимания изучаемого явления, объекта в процессе познания, так как наглядные образы как категории-схемы апеллируют к чувственным формам отражения и осмысления реальности в ходе диалектического движения к понятийному мышлению.

8. Теоретическая концептуализация и категоризация происходит с участием антропологического опыта: объяснительный базис корреляции данных эмпирической регрессии осуществляется посредством осмысления выборки на основе классификации верифицируемых эмпирических фактов. Конструктивная особенность сознания человека обуславливает возможность эмиссии в концептуальные структуры знания специфических понятий и терминов, не выводимых эмпирическим путем, но имеющих соответствующее эмпирическое обоснование. Учёный предписывает идеальному объекту его свойства и соотносит эту интеллектуальную конструкцию как схему с реальным объектом или с набором его свойств, как ментальным выражением субъектно-объектных отношений и

эпистемологической репрезентацией антропологического интервала свой/чужой. Такая рациональная форма освоения действительности реализует переход от одного уровня понимания к другому, наше стремление видеть в объективном сложном невидимое простое, но ясное для ума («*oculi mentis*»): интенция к неизменности и фундаментальности человеческой жизни проецируется на «топографию» единой рациональной картины мира.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования. Получены авторские научные результаты, связанные с процедурами применения методик конструктивного обоснования концептуальных форм естественнонаучного и социально-гуманитарного знания для целей реконструкции и анализа принципов культурно-исторического развития науки.

Результаты работы дают возможность разрабатывать образовательные проекты разного уровня с опорой в учебном и просветительском процессе на выявления взаимосвязи структур логико-вербального и пространственно-образного мышления.

С позиций философско-антропологического анализа могут быть разработаны образовательные курсы для глубокого понимания философских факторов развития специального научного знания. Результаты диссертационного исследования актуальны в практическом применении в философских, методологических и науковедческих курсах по программам бакалавриата, магистратуры и аспирантуры; при реализации различных программ в сфере интеллектуальной собственности, прикладных инноваций и других форм прагматического внедрения науки.

Достоверность и обоснованность научных результатов диссертационного исследования базируются на большом историко-научном и историко-философском материале, который содержится в освоенных трудах западных и отечественных философов и учёных.

Работа основана на междисциплинарных стратегиях мышления, а также предполагала использование философско-антропологического, историко-генетического, контекстно-смыслового, структурно-системного, компаративистского, функционально-логического подходов и методов.

Личный вклад автора связан с новаторским подходом к проблеме включения в понимание картины мира нового концепта «антропологический опыт», что позволило привлечь к проблематике материал социокультурной эпистемологии, когнитивной лингвистики и культурной антропологии при разработке методологического инструментария построения и обоснования (на основе экспликации и обоснования границ применимости понятия «антропологический опыт») новой философской концепции по концептуализации антропологического опыта в рациональной картине мира с

позиции концептуальных систем, аналитических стратегий мышления применительно к проблемам концептуализации опыта человека в рамках диалектики, философской антропологии, философии культуры, междисциплинарного, системного и культурно-генетического подходов.

Соискатель внес общественно значимое авторское решение в понимание механизма образования общего поля конструктивных решений, находящихся свое отражение в психолингвистическом содержании и взаимосвязи картины мира с естественными и искусственными знаково-символическими системами, в аспекте функционирования языкового знания и сознания в познании природной, социальной и человеческой реальности. Результаты диссертационного исследования достигнуты автором самостоятельно, начиная от определения проблемного поля и заканчивая понятийным осмыслением и решением поставленных задач.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности.

Работа выполнена самостоятельно и соответствует паспорту специальности 5.7.8 «Философская антропология, философия культуры»: 5. Человек и его сознание. Символические и иные теории сознания. 6. Философские проблемы исследования антропогенеза. 10. Феномены человеческой субъективности. 16. Экзистенциальная антропология. 17. Философские основания сциентических концепций человека. 21. Культурно-философская антропология. 20. Философско-биологическая антропология. 22. Психоаналитическая антропология. 65. Культура и наука. 70. Семиотика культуры. 80. Символическое в культуре.

Апробация исследования. Достоверность полученных результатов прошла проверку в ряде докладов, представленных на научных конференциях различного уровня: Международная научная конференция «XXIX Петровские чтения. Наследие М.К. Петрова: история философии, культурология, науковедение и регионалистика» (г. Белгород – 21 апреля 2016 г., Ростов-на-Дону – 25-26 апреля 2016 г.); Международная научно-практическая конференция «Традиционные культуры народов мира: история, интерпретация, восприятие» (г. Белгород, 18 ноября 2016 г.); Международная научно-практическая конференция «Искусственный интеллект: этические проблемы «цифрового общества»» (г. Белгород, 11–12 октября 2018 г.); Международная научная конференция «Что такое сообщество? Социальная герменевтика, власть и медиа», (г. Белгород, 21–22 октября, 2019 г.); Международная научно-практическая конференция «Философские и социально-экономические проблемы исследования инновационных технологий и искусственного интеллекта» (г. Белгород, 15–16 октября 2020 г.); VII Международная научно-практическая конференция «Творческое наследие композиторов венской школы: история, педагогика,

интерпретация» (г. Белгород, 17 мая 2024 г.); II Всероссийская научно-практическая конференция «Практическая эпистемология и технологии естественнонаучного образования» (г. Белгород, 20 апреля 2022 г.); Национальная научно-практическая конференция с международным участием «Наука XXI века: приоритетные направления исследований и междисциплинарные подходы» (г. Белгород, 14 июня 2024 г.) и многие другие.

Результаты диссертационного исследования применены автором при разработке и чтении студентам, магистрантам и аспирантам лекционных курсов «Актуальные проблемы философской антропологии», «История и философия науки», «Методология философско-антропологических исследований», «Проблема сознания в современной зарубежной и отечественной философии», «Философия Канта и неокантианство», «Философские и научные картины мира», «Философские и психологические проблемы творчества», «Нейрофилософия в контексте современной зарубежной и отечественной науки» и другие.

Основные положения и результаты исследования отражены в 68 публикациях, включая 1 авторскую монографию, 1 коллективную монографию, 15 статей в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ, 9 статей, входящих в перечень базы данных Scopus и Web of Science, 2 статьи в иных зарубежных изданиях.

Диссертация обсуждалась на заседаниях кафедры философии, культурологии и социологии ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского» и рекомендована к защите.

Структура и объём работы. Диссертация включает в себя введение, четыре главы по два параграфа, заключение, библиографический список.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** диссертации раскрыты актуальность темы, степень научной разработанности тематического и проблемного поля, определены объект, предмет, цель, задачи и применяемые методы исследования, сформулированы научная новизна и положения, выносимые на защиту, дана характеристика теоретической и практической значимости диссертационной работы, личного вклада автора.

В *первой главе* «Философское понимание антропологического опыта в категоризации науки и культуры» реализован историко-философский и философско-антропологический анализ теоретических и категориально-понятийных аспектов, а также функциональных и структурных элементов знания в форме концептов, как специфических мыслеформ (неформализованных понятий или рационализированных

образов), что связано с экспликацией связи процедуры моделирования знаково-символических систем с пространственно-временными характеристиками.

В первом параграфе *«Первичная категоризация концепта «антропологический опыт» в философии Нового времени»* обосновывается, что философия Нового времени в её двух ипостасях рационализма и эмпиризма задавала основные парадигмы как в осмыслении научного и паранаучного знания, так и природного, социального и человеческого измерений в мироздании, а также роли антропологического опыта в этом познании. Идея целостности мира и человека в аспекте *диалога рационализма и эмпиризма* приобретает статус философской проблемы у Декарта, определяя порядок (бытие разумно) в рамках антропологического опыта как особенность нашего сознания воспринимать реальность.

В философии Р. Декарта веру, опыт и здравый смысл мы обнаруживаем в качестве причины и результата сомнений в поиске «истины», которая обладает внеэмпирическими критериями, среди множества которых выступает красота и внутреннее совершенство. Р. Декарт, таким образом, следует антропоцентризму, ставит себя в центр своей мысли, рефлекслируя собственный антропологический, экзистенциальный опыт. Он дает нам новый «научный» метод, применяемый к философии, универсальный для всех видов наук, хотя в философии всегда остаётся неуничтожимый «метафизический осадок», как считал позитивист К. Поппер, а методологический анархист П. Фейерабенд писал о неустранимом мифе в научном знании.

Свой новый метод Р. Декарт строил как экстраполяцию подобных «грамматических правил» универсального языка на философию, чтобы положить конец разногласиям, которые всегда мучили философов. В частности, он низводил понятие Дух (Geiſt) до понятия Сознания как более суженной обьективированной его формы. Впоследствии, убежденные эмпирики и позитивисты ограничили разум упорядочиванием чувственных данных, используя эмпирические данные для оценки гипотез.

Новое определение разума, предложенное Декартом, проясняется посредством другого понятия – «здравого смысла», определяя его как одинаковое для всех. В данной связи, именно сужение кругозора приводит науку к согласию, предлагая более узкую, научную версию разума. И это является верой так называемого прокрустового просвещения, дающей надежду, что научный метод произведёт революцию и в самой человеческой жизни. Этот вопрос, практически разрешаемый в предметах о человеческом счастье, этике, добре и зле, оказывается гораздо важнее теоретического вопроса о том, *как мы знаем*.

И по этому вопросу рационалисты и эмпирики единодушно выступают против классического ответа на величайший из всех этических вопросов, вопроса о высшем благе, о значении счастья или блаженства. Альтернативой становятся вопросы о смысле жизни в позиции того, что является лучшим для нас и что мы можем сделать в этом мире? И у Р. Декарта, и у Ф. Бэкона ответом является величайшее изменение, которое никогда не может произойти в культуре, потому что оно касается не только средств достижения цели, но и того, что представляет собой конечная цель – человек. Рационализм и эмпиризм в осмыслении антропологического опыта не ограничивались только философией и наукой, но и своеобразно влияли на эстетическое сознание эпохи, а оно невидимо входило в научный и философский опыт.

В свою очередь, Кант переопределил саму истину как соответствие объекта внутренним структурам познающего разума, а не наоборот. Он показал, что мы конструируем мир как художник, а не открываем его как ученый, то есть мы наделяем свойствами объект, а не усматриваем их в нем. Фундаментальный спор классической современной философии с начала XVII века по начало XIX века заключался в правильном соотношении между двумя имеющимися у нас силами познания, соотношения рационального и чувственного, в основании которых лежит антропологический опыт как самосознание и рефлексия конкретно-исторического, «живого» учёного над способами собственного познания и мышления.

Таким образом, «антропологический опыт» выходит за пределы классического понимания «эмпирического» и формирует расширенный контекст обыденного, образного и рассудочного мышления в языковом сознании человека. Вместе с тем, «антропологический опыт», рационализированный на уровне принципов, выполняет функцию гносеологической призмы, установок восприятия и познания, на рациональном уровне разворачиваясь в системы логических определений, категорий и понятий, формирующих познавательные контексты.

Во *втором параграфе «Концептуализация и символизация антропологического опыта в познании реальности»* реализуется осмысление проблемы сопряжения антропологического опыта в естественнонаучном и социально-гуманитарном дискурсе.

Эпоха Просвещения впервые порождает размышление о природе знания, как результата осмысления *внешней природы* в ситуации, где телеологизация перехода к эмпирическому познанию сопряжена с вовлечением в процесс размышления о *природе человека*, то есть с тем, что можно охарактеризовать как социокультурный антропогенез. А это и предполагает, что изначально в рациональное знание включается

антропологический опыт, рассудок и обыденное сознание, сопряженные с категориями языковой картины мира, а также с бессознательными практиками человеческой ментальности.

Для того, чтобы ввести и формализовать понятие «антропологический опыт» в пространстве аналитики, требуется принять позицию совместимости и пересечения того, что мы характеризуем познавательной традицией, основанной на принципе *объективации* рационального знания в культуре, и поворота к признанию за исследователем, *живым человеком*, правомочности обоснования исходных принципов мышления и познания, не связанных только с трудностями выбора философских установок.

Процедура концептуализации антропологического опыта предполагает возможность его рассмотрения и определения в рамках алгоритмов социального взаимодействия и культурной коммуникации людей, выражаемых в «габитусе», в вариантах восприятия и интерпретации форм знания на основе двух отмеченных традиций – абстрактно-философской и экзистенциально-антропологической. В антропологической традиции концепт устанавливает соответствие между категориальным аппаратом научной теории и алгоритмами социального поведения и социального сознания, выражающего жизненный опыт человека в рамках действующего технологического уклада с учетом конвергенции социально-гуманитарных наук и технологий. Это также предполагает инкорпорирование в познание природы и человека принципа толерантности, изначально возникшего в протестантском религиозном опыте и отрефлексированного в философском экзистенциальном (антропологическом) опыте культуры модернити.

Абстрактный гуманизм не становится предельной вехой историко-культурной ценности, но стимулирует конструктивизацию и концептуализацию духовных рефлексий человека о всеобщем благе, коллективном счастье. Мы утратили благо/дать целого как ценности науки, получив прикладной интерес к благо/получию в ослабленной, низко культурной форме субъективности в рамках капитализации общественных отношений. Новая идеально-предметная реальность (наука) приносила и часто вносит хаос в человеческое бытие, отражая отчужденность человека от общества и природы. Антропологический опыт, обусловленный антропогенезом и социогенезом, составляет область оснований предметной области познания и науки, её статуса как социокультурного института, внутреннюю динамику развития ментального инструментария, ориентирует на проблему возможностей коммуникации субъектов, стремящихся к правилам рационализации «картины мира».

Следует подчеркнуть, что фактически первым ввёл в философский дискурс концепт «картина мира» Л. Витгенштейн. Не «научная картина

мира» и не «образ мира», как переводят часто соответствующий термин «Bild der Welt», а именно «Картина мира». Впервые концепт «картина мира» появляется в «Логико-философском трактате» в пункте 2.0212 и более соответствует оригиналу на немецком языке: «2.0212. Es wäre dann unmöglich, ein Bild der Welt (wahr oder falsch) zu entwerfen». Именно в этом аспекте идея и концепт Людвиг Витгенштейна о «картине мира» обретает контуры не столько «физического» порядка, сколько философско-культурологического и требует концептуальных оснований антропологического опыта, как воплощенная интерсубъектность.

В рамках филогенетических измерений антропосоциогенеза лингвистические способности человека коррелируют с анатомическими и физиологическими предпосылками изменения аппарата речи при необходимом эволюционном уровне развития мозга и его нейронных структур. Психическая составляющая эволюционного развития в значительной степени обусловлена и ролью общественных отношений; в процессе осуществления мыслительной деятельности обусловлена наглядно-образным мышлением и когнитивной способностью к *организации мышления с помощью языка*. Помимо естественных языков в рациональном познании используются символические языки как формы академической коммуникации, позволяющие интерпретировать различные аспекты реальности, зачастую выходя за границы наличного концептуального и естественного языкового предела.

Естественный язык по-прежнему выполняет функцию метаязыка по отношению к формализмам, образуя в мышлении внутренний контекст человека, определяющего семантические границы описания рациональной картины мира. Познание, как *постижение действительности*, и *понимание*, как *постижение смысла*, то есть осуществление сопричастности на уровне рациональной общности собственного антропологического опыта чей-то мысли («знание о знании»), аналогично инструменту повышенной выживаемости человека в Природе как быстро меняющейся среде. Здесь возникает необходимость формирования *человекоразмерности* науки и рациональных концептуальных форм знания, что также обусловлено генетическим взаимодействием в антропосоциогенезе человека и мира.

Возможность построения когнитивных схем рассматривается в рамках данного взаимодействия, а не только с позиции логических форм рационального мышления. Представленность и реализация антропологического опыта в концептуальных формах знания обусловлена интерпретацией на основе системы философских воззрений на сущность рационального описания действительности, осуществляемого в процессе взаимодействия человека и объекта познания. Научный дискурс при

концептуализации внеязыковой реальности предполагает *особое речевое мышление*, аналогичное метафорическому. В познавательной ситуации мы различаем смыслы, тяготеющие к *пространственной и структурной организации* и рассматриваемые в виде конкретных элементов природного бытия, и научные понятия, тяготеющие к *временной и функциональной организации*, выражающие прежде всего отношения между элементами. Поскольку функциональные элементы природной реальности нуждаются в *описании*, а структурные элементы этой реальности требуют *понимания*, то концептуализация опыта в научном познании происходит путём моделирования и *создания вещественных конструкций*, выражаемых для наглядности через определённые системы символов и пространственных образов.

Во *второй главе «Предметность категорий мышления человека в рациональном осмыслении реального мира»* решается задача понимания предметности мышления и познания человека в контексте осмысления антропологического опыта и экстраполяции «зарегистрированной» в продуктах деятельности человека части коллективного знания, как достояния лингвокультурной общности в научных парадигмах.

В *первом параграфе «Логико-вербальные и пространственно-образные формы категоризации антропологического опыта в познании мира»* отмечается роль рассудка и способности воображения в концептуализации антропологического опыта и его роли в *познавательном конструировании* идеальных объектов.

Потребность мышления предполагает дискурсивное использование концепта или понятия с целью регламентации познавательной деятельности, которая обусловлена использованием норм и установок ограничительного характера при установлении связи между основанием и обосновываемым. По Канту достоверное знание возможно только в созерцании, регулируемом правилами трансцендентальной логики, то есть всеобщность и необходимость привносятся в опыт трансцендентальной структурой объекта. Реальность, которую Кант рассматривает как *вещь в себе*, порождает в нас ощущения, придающие знанию предметный характер, то есть облеченного в абстрактную форму категорий как условий всякого опыта. Вместе с тем, всеобщность и необходимость как достоверность предметного опыта обусловлена познавательной установкой, бессознательной познавательной активностью субъекта, экстраполируемой на весь возможный опыт.

И. Кант рационализирует концепт «антропологический опыт» и считает, что наше знание, по крайней мере частично, *априорно* и, следовательно, напрямую не выводится из антропологического опыта учёного (или философа). Размышляя о картине мира И. Ньютона, И. Кант

определяет *категории пространства и времени*, лежащие в её основе, как всеобщие формы чувственности, обуславливающие достоверность (всеобщность и необходимость) математического знания, используемого при описании синтеза рациональной картины мира (позже в философии культуры появится понятие «*хронотоп*», как рефлексия на теорию относительности). И. Кант полагал, что именно *трансцендентальный субъект* определяет способ познания и контролирует предмет знания, а достоверность знания при этом обусловлена априорными качествами и свойствами субъекта, из самой действительности эмпирически и логически не выводимые, – пространства и времени, как форм рассудка.

Пределно общие понятия являются результатом *процедуры категоризации*, – фундаментального творческого когнитивного механизма, который позволяет мысленно структурировать реальность на основе сущностных свойств сходных явлений. Концепт характеризует *фрагмент мира*, в то время как категория характеризует его *сущность*. Активность сознания и мышления проявляется в конструировании категориальных форм, переходу от ощущения к познавательной рефлексии, посредством которой реализуется концептуализация форм знания, что и предполагает развитие познания от созерцания рефлексии (специфического абстрагирования, своего рода рациональной *катафатики*) к рефлексии о созерцании (конструкции понятия). Механизм создания образа и его вербализации, воплощения в концепте, предполагает двойственную онтологию – абстрактных объектов и ментальных репрезентаций через рассмотрение идеального и реального как единого. При этом антропологический опыт субъекта становится результатом комбинирования данных на тему исходных постулатов.

Концептуализация содержит не только данные о явлении, но и его интерпретацию в общественном сознании, то есть нормативные требования ума отличаются от условий контакта человека с внешней реальностью. Способ познания и теоретическая организация знания с одной стороны обуславливают интеграцию мышления, а с другой – накладывают ограничения на схематизацию понятийных связей в рамках предметных областей. Таким образом, когнитивные проблемы концептуализации тесно связаны с проблематикой формирования антропологического опыта. Связь *образного* (представление) и *языкового* (понятие) осуществляется сочетанием логики и геометрии.

Это связано с проблемой конструктивной оптимизации аналитических стратегий мышления в антропологическом опыте. Концептуализация рассматривается на языковом уровне, а по форме мы говорим о выделении понятийной и образной концептуализации. Понятия, а также составные части абстрактных конструкторов составляют концептуальные схемы, выполняющие

роль семантической сети, организующей по правилам отношений концепции и понятия. Целостное представление о мире и человеке в рациональной картине мира обусловлено концептуальностью, которая имеет различие как у представителей разных эпох, так и представителей различных областей знания. Рассудок и воображение связаны правилом конструирования объекта, которое создается самим субъектом. Таким образом, рациональная картина мира взаимосвязана со структурой трансцендентального субъекта.

Любые формы научного общения предполагают наличие коммуникативной стратегии в сознании исследователя, которые часто остаются скрытыми, а сознание может казаться основой деятельности, реализующей связи и отношения социализированных индивидов, которые выступают для них как эпифеномены, побочные продукты их сознания. Однако как феномены, так и эпифеномены сознания, представляют собой реальные моменты в движении ментальной деятельности человека, а образы сознания получают статус *идеальной меры* в рационализации антропологического опыта как учёного, так и массового потребителя знания.

Во *втором параграфе «Категориальные принципы как схемы концептуализации антропологического опыта в рациональной картине мира»* выявляются философско-антропологические основы сопряжения систем символов с пространственно-визуальными характеристиками, повышающими наглядность и достоверность антропологического опыта.

С позиции философско-антропологических основ исследования взаимообусловленности принципа и контекста, явления окружающего мира имеют для нас значение в той степени, которая определяет для нас возможность действия, приводящего к некоторому изменению мира. Это *действие*, или по Бэкону, власть над природой, с необходимостью сопоставляется с явлениями, результатом отражения в голове, которые мы именуем понятиями. Процедура категоризации в данном случае играет роль выбора из некоего множества «действий», формирующее понятие/категорию и приобретающего гносеологический статус *сути* явления, то есть становящаяся его *смыслом*. Множество сопоставлений действий с явлением становится для нас признаками явления, то есть *при/знак* является для нас тем, что указывает на знак, или сущность явления, становится его смыслом. В антропологическом опыте понятие и его контекст становятся едины, то есть понятие обретает конкретный смысл.

Вместе с тем, следует заметить, что контекст понятия не представляет собой просто перечень того, что мы называем признаками, а является прежде всего установкой, формирующей определенное видение. Эта установка метафорически суть изнанка бытия, то есть то, что из нас (из/нанка) усматривается. Подобный взгляд устраняет гипертрофированность языковой

дискретности и обнаруживает связь континуального и дискретного. Именно принципы играют роль установки, призмы, благодаря которой формируется такая концептуальная форма знания как теория (дословно от греч. *Θεωρία* – вижу, обозрение, созерцание). Процесс концептуализации в контексте категоризации формирует некий код, меняющийся в зависимости от расширения контекстного поля философского анализа.

Мы отмечаем два контрарных состояния имеющегося знания, выполняющие разные функции: 1) развернутого знания, участвующего в познавательной деятельности, научной коммуникации, связанной с новыми задачами, потребностями человека; 2) свернутого, упакованного, знания, используемого для трансляции научного опыта. Иными словами, как «развитие» имеет свою противоположность – «свитие» (свиток), так и конструктивный процесс познания в своей основе имеет процесс «свертывания», специфического оформления с использованием символического языка.

В деятельности субъекта познания налицо *активное, конструктивное начало*. С одной стороны, субъект может *порождать* любые мыслительные конфигурации по собственному желанию, с другой стороны, та среда, в которой он разворачивает конструктивную познавательную активность, по известным причинам не позволяет конструированию быть совершенно произвольным. Актуализировать в ней можно лишь то, что допускается её собственными потенциями. «Наслаждение» определяется эстетической стороной научной деятельности, связанной с антропологическим опытом, прорывом непосредственных сенсуальных впечатлений и переживаний (эмоциональный интеллект!) в ткань логических дедукций, выражая синтез внутреннего совершенства и внешнего обоснования. Не только практическая, но и логическая невыводимость принципов позволила интуиционисту А. Гейтингу представлять механизм конструирования принципов посредством сверхлогической способности нашего сознания – *интуиции*, своего рода интроспективной творческой деятельности мыслящего человека. Это своего рода некоторый признак сверхчувственного присваивания внешнего знания в опыте личностной истории. Поэтому интуитивно добываемое знание, осмысление явлений, выходящее за рамки определяемого, несёт на себе отпечаток экзистенциального, антропологического опыта его автора. Интерес представляет *принцип простоты и эстетичности*, так как он непосредственно связан с антропологическим опытом учёного.

Какова же роль принципов в *категоризации и концептуализации антропологических репрезентаций реальности*? В антропологическом опыте понятие и его контекст становятся едины при дивергенции общего смысла и

референта, то есть понятие обретает конкретный смысл. Контекст понятия, являющийся впоследствии также неотъемлемой частью самого понятия, не представляет собой просто перечень того, что мы называем признаками, а является прежде всего установкой, формирующей определенное видение. Эта установка метафорически суть изнанка бытия, то есть то, что «из нас» (из/нанка) усматривается. Опыт нам и подсказывает, что глаза смотрят, а видит мозг. Последнее утверждение в обыденной формулировке, по сути, является, базовым тезисом психогенетики и когнитивных наук в целом.

В *третьей главе «Экспликация антропологического опыта в рациональной картине мира»* обоснована концептуализация системно-структурной картины мира человека во взаимосвязи с категоризацией реальности как в антропологическом опыте, так и в логических рационализациях.

В *первом параграфе «Системный дискурс в категоризации антропологического опыта и понимании реальности»* представлено предметное описание концептуализации и категоризации антропологического опыта на основе принципа системно-структурной картины мира человека.

Научно-технический прогресс, являясь дериватом человеческой культуры, выдвигает новые философско-антропологические измерения, связанные с рефлексией оснований концептуальных форм знаний. Наиболее значимой представляется идея целостности мира и человека, в рамках которой рациональное познание обретает социально-гуманитарное измерение, как субъектная, *человекоразмерная реальность*. Учитывая сущность рационализма, сформулированного философами Нового времени как некоего порядка как атрибута Бытия («бытие упорядочено, разумно») и определенного вида симметрии, определяемой в рамках антропологического опыта. Идея симметрии в культуре играет значительную эвристическую роль и обладает разными контекстами смысла: как нечто пропорциональное, *равновесие и гармония*.

В плане выявления конкретной связи между сущностью явления и её проявлением уместно рассматривать симметрию правого и левого не только в качестве проявления объективного закона сохранения чётности применительно к природным системам, но также в исследовании культурных и ментально-психологических, в том числе и категориально-мыслительных симметрий. Понятие симметрии присутствует уже в кантианской идее: разум предписывает законы природе, а в идеалистических интерпретациях формируется историческое понимание симметрии в культуре как результата (продукта) мыслительной деятельности человека. Наряду со статическим, «симметрическим» подходом в ней представлен и «динамический» подход.

Все свойства симметрии рассматриваются как проявления состояния покоя, а все свойства асимметрии – как проявления состояния движения.

Единство чувственности и мышления – необходимое условие познавательной деятельности человека. Благодаря этому единству чувственные данные во внутреннем контексте антропологического опыта становятся источником обобщающих, в том числе и теоретических выводов.

Дальнейшее развитие принципа симметрии в знании было связано с изучением темпоральных проявлений симметрий, заключающихся главным образом в преемственном развитии определённых структур. При сочетании симметрии с диссимметрией происходит переход от одних пространственных групп симметрии к другим. Принцип структурности, дополненный идеями симметрии, является одним из оснований категоризации антропологического опыта и создания рациональной картины мира. Эти идеи, принципы и категории играют важную роль в концептуализации антропологического опыта в рамках структурно-системного подхода.

Философские и этические концепции не являются нейтральными по отношению к рациональному познанию, а органически присущи воззрениям учёных, вплетаются в ткань научной теории и влияют на общее развитие науки. Например, время от времени ажиотаж вокруг концепций физики создаёт замкнутый круг из иррациональных физических мифологем и разорванного сознания современного человека. Вместе с тем собственно объяснительные и эвристические возможности принципа системности созвучны современным понятиям философии о том, что формирование системного единства знания следует рассматривать в широком аспекте исторического развития культуры. Подобный идейный денотат мы рассматриваем в качестве продукта индоевропейского мышления, где основанием является дифференциация и редукция к первопринципам первичного хаоса (непознанного), а следствием – принципы континуальности выявленных элементов как целого.

Во *втором параграфе «Культурно-генетическая репрезентация антропологического опыта в рациональном познании мира»* раскрыты содержание и принципы историзма в трактовке антропологического опыта в рамках темпоральной дивергенции и культурно-генетического обоснования, что позволило выявить историческую динамику в познавательных императивах человека и реальной картине мира.

Прежде всего, рассмотрена проблема концептуализации историзма в понимании антропологического опыта в рамках темпоральной дивергенции, филогенетической и онтогенетической. В гуманитарных науках сам объект историчен, претерпевает существенные изменения за время исследования. Любые попытки построения исторического знания есть не что иное, как

самооценка – объект и субъект исследования *конфлюэнтны* (*перетекают* друг в друга).

Поэтому философское рассмотрение деятельности является необходимым условием её структурного анализа. «Естественное» движение инструментовки познания и деятельность учёного, организующего эту деятельность путём системотехнического действия, становятся компонентами единой системы. Способ функционирования такой системы непосредственно задаётся её социальной обусловленностью. Эту социокультурную обусловленность можно было бы не учитывать, когда теория неразрывно сращивалась с методологией и входила в познавательную деятельность без особой фиксации, благодаря самому факту сращения. Другое дело, когда, в связи с взаимным отчуждением этих двух слоёв познания, их единство приходится *специально организовывать*. Здесь необходим аппарат, социальная детерминация которого является определяющим условием функционирования самой системы.

Сопряжение исторического и культурно-генетического подходов в рамках конкретно-исторического и культурологического предполагает выявление способов конструирования картины мира. Науки, которые изучают мир, взятый «сам по себе», исторически возникали под влиянием тех же факторов и идеалов научности, которые формировали и картину мира. Явления, которые мы соотносим к природе или истории, имеют другие предикаты, чем только быть в пространстве и времени, так как мы знаем их уже на уровне антропологического опыта. Становление принципа историзма связано с познанием развития, качественных изменений явлений и предметов окружающего мира.

В явлениях реального мира, природных, социальных и человеческих, мыслящий дух постигает непрерывное: правило, закон, материю. Единообразие периодического возвращения (форм) низводит временной момент их движения до второстепенного момента, не для их бытия, а для нашего восприятия и понимания. Конструирование картины мира с использованием исторического подхода определяется *фундаментальным регулятивом темпоральной дивергенции*, который фиксирует расхождение признаков функционирования объекта научного исследования по временной шкале, вызванное закономерно-генетическими или вероятностно-историческими предпосылками.

Как принцип историзма становится познавательным императивом в понимании человека и формировании картине мира? Трансформации в любых типах развития очень близки к изменениям типов функционирования, поэтому методология познания конкретизируется в качестве фундаментального регулятива *темпоральной дивергенции* при использовании

культурно-исторического подхода в конструировании картины мира и распадается на ряд познавательных императивов.

Принципу историзма и основанному на нём историко-генетическому подходу противопоставляли *агенетический принцип* и основанный на нем структурный подход. Но если структурный подход возможен без генетического, то генетический без структурного невозможен. Учёт соответствующей роли ценностных элементов науки, с необходимостью обуславливающих рациональную картину мира, позволяет проводить чёткое различие между природой как независимым от сознания науки объектом и картиной мира, которая связана с уровнем познавательной способности и имеет возможность быть социально обусловленной.

В *четвёртой главе «Эмпирический и теоретический категориальный синтез антропологического опыта»* мы исходим из того, что любая теория состоит из категорий, понятий и концептов, конструируемых на основе принципов, законов и переменных фактов.

В *первом параграфе «Чувственно-созерцательные схематизмы в рационализации антропологического опыта»* антропологический опыт в рациональном познании соотносится со структурами эмпирического обоснования в чувственно-созерцательных категориальных схематизмах.

Аккумулируя антропологический опыт в различных формах знания, в зависимости от способа получения, человек получает знания опытным путем либо используя сложные логические процедуры мышления. Однако для усвоения знания необходимо понимание в качестве способности постигать смысл. Поскольку в естественном языке невозможно описать «мир как он есть» в силу субъективации языка, то и концептуализация предметных областей, представленных в рациональных формах знания, остается, в известной степени, антропоцентричным и семантически нагруженным. Существенным образом в познании это связано с такой предельной формой обобщения как рациональная картина мира.

Концептуальные установки, обуславливающие специфику интерпретации фактов, выступают для исследователя гипотезами, поскольку интерпретация не обязательно обладает объективной достоверностью. Основаниями для субъективации фактов выступают дериваты культуры, в которую «погружен» исследователь, связанные с известными установками и традицией. В этом смысле фактуальный материал на проверку оказывается нагруженным личностными аспектами исследователей, антропологическим опытом в латентной форме. Поэтому эмпирическое обобщение становится для нас первичной формой концептуализации эмпирического знания, сопряженного с процедурой её фактуализации. Поскольку такая процедура предполагает предикацию лишь первичного антропологического опыта при

анализе данных, то эмпирические закономерности не могут выступать объяснением причины явления. Порой несоответствие обыденного и научного антропологического опыта при описании фактов приводит к такой конфликтной ситуации в познании как двойственность или парадокс.

Категориальность рациональной картины мира в познании выполняет функцию потенциальной ревизии теоретизированных форм знания при учете таких факторов, как влияние культуры, коммуникативных контекстов и личности исследователя в научном поиске. Взаимосвязь знака и реальности осуществляется в рамках знаковых систем, а не отдельных знаков. Подобие образа рациональной картины мира реальной действительности возможно на основе морфизма в категории знаковых систем, функционально отображающих структуру реальности в знаковых гомоморфных значениях. При таких значениях рациональная картина мира выступает в модельной функции объективной реальности. Гомоморфизм упрощает представление в сознании об объективной реальности, предполагая конструирование ее рационального наглядного образа.

Требование наглядности к концептуальным формам знания предъявляется на основе рациональной сопряженности перцептивным каналам познающего субъекта, то есть наглядность обусловлена возможностью восприятия органами чувств. Этот принцип лежит в основе любых структурно-функциональных моделей, описывающих и объясняющих самые сложные природные явления и процессы.

Говоря о «картине» мира, как «образе» реальности, всплывает аналогия с типизацией в изобразительном искусстве. Типизация – это прием, при помощи которого в единичном объекте отображаются черты, помогающие вскрыть главные черты объекта или те черты, которые интересуют художника. Так и в картине мира как обобщении и синтезе конкретно-научных знаний, создании образа исследуемой реальности непосредственно участвует человек, задавая параметры своего герменевтического мира, коррелирующих с объективной реальностью. Таким образом, критикуя традиционное понимание картины мира в виде обобщенного отражения, мы предполагаем некоторое понимание синтеза как искусства в общем отражении объекта через единство единичного и общего в абстрагированной конкретности.

Во *втором параграфе «Антропологический опыт в рациональной реконструкции теоретического знания»* доказывается, что сопряженность теоретических и эмпирических понятий происходит на основе антропологического опыта.

Свойства объекта суть, прежде всего, являются выражением субъектно-объектных отношений (антропологического интервала свой/чужой).

Совокупность свойств идеального объекта в силу необходимости интеллектуального контроля при ограниченном антропологическом опыте весьма ограничено. Существенное отличие идеального от идеализированного, то есть замещающего идеальное, например, в эксперименте, впоследствии служат для конструирования их производных, а также комплекса отношений «часть – целое» во взаимосвязи транзитивных и частично упорядоченных формализованных отношений на основе интуитивных идей. Такая рациональная форма освоения действительности, по сути, является концептуализацией, позволяющей осуществлять «переход от одного уровня исследования к другому».

Наряду с этим, понимание симметрии как инвариантности объекта в настоящее время наиболее распространено в научной среде и применимо не только к материальным, но и математическим объектам. К последним мы относим, в том числе, уравнения, операторы, функции; при этом, несмотря на формальное описание инвариантности относительно некоторых преобразований, исследователь воспринимает конечный результат подобных преобразований с позиции антропологического опыта в эстетическом аспекте *изящества* и *красоты*. Наше стремление видеть в объективно сложном невидимое простое, то есть ясное для ума («*oculi mentis*»), определяет очевидную необходимость поиска маяков в штормовом море жизни: интенция к неизменности и фундаментальности человеческой жизни проецируется на «топографию» единой картины Природы в поиске ее неизменности и фундаментальности и привносит, таким образом, философско-антропологическую повестку. Этим, возможно отчасти, и определяется инвариантность как сущность науки, как специфическая деятельность человека, направленная на рациональное объяснение мира человеком.

Предвидение, а не простое объяснение свершившегося факта и является высшей целью научной деятельности, науки в целом. Возможность предвидения становится существенным признаком наличия в сознании субъекта познания обобщенного образа реальной действительности, рассматриваемой им в теоретической целостности субъективного образа объективной реальности. Новизна идей, рассматриваемых в качестве нового основания для таких теорий в формате систем принципов и т.п. не выявляется посредством простых обобщений эмпирических данных, так как идеи, как мысленные прообразы, обусловлены способностью познающего человека осуществлять связь с философским, «внеэмпирическим» источником познания.

Для ученого представляется крайне важным эстетическая сторона (красота) далеких от чувственных категорий математических формулировок,

при этом красота всегда является источником вдохновения, и исследователь в силу обыденного опыта, трансформировавшегося в форму научной рациональности, следует той же традиции, что и обыватель, то есть интуитивно предполагает, что Природа «предпочитает» красивые решения некрасивым. Понятия «красота» и «прелесть» исследователи, например, рассматривают как синонимы (несмотря на обширную христианскую культурологическую традицию, в отдельных местах разводящую данные понятия) и обозначают им квантовое число, с помощью которого даётся характеристика адронов. При этом «красота» сохраняется в сильном и электромагнитном фундаментальном взаимодействии и пропадает («увядает») в слабом. Таким образом, красивыми считаются адроны, чьи квантовые числа имеют значение больше нуля, то есть положительное.

В данной связи вопрос о красоте закона, выраженного в математической форме, остается дискуссионным как с точки зрения объективности, так и научности. Научные законы являются символическим отражением в нашем сознании объективных законов. Их объективность определяется «условиями», за пределами сознания человека, и потому не зависящими от него. Помимо *красоты* законов, довольно часто встречаются рассуждения, близкие к обыденному пониманию, например, такие характеристики законов как неизменность, незыблемость, постоянство и, в какой-то мере, даже их вечность... Философская категория вечности в общем смысле подразумевает наличие свойств, не подверженных изменениям во времени, то есть используется чаще как вневременное понятие. Это также означает, что и во времени свойства сложного объекта остаются в неизменном виде, то есть в каждый момент времени «вечный объект» содержит в себе всю полноту бытия. Возможность существования подобных объектов в материальном мире наукой не рассматривается, но исторически подобная фантазия существует в различных мифах, мистических учениях, как некий идеал алхимиков.

Любое открытие объективно существующих законов, то есть существующих независимо от нашего сознания, должно восприниматься нами как некий Порядок вещей. И абсолютизация этого положения привела Р. Декарта к мысли о том, что бытие разумно, то есть порядок является атрибутом Бытия. Теория как форма концептуального знания представляет собой аффилированную модель антропологического опыта в синтетическом знании, в рамках которого основные категории и законы утрачивают свой автономный статус и рассматриваются с позиции системного целого, непротиворечивого концепта.

В Заключении подводятся итоги проделанной работы, суммируются результаты теоретического и практического исследования, а также

определено проблемное поле и перспективы для дальнейших научных разработок и философских интерпретаций.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях автора:

***Статьи в журналах, рекомендованных ВАК
при Министерстве науки и высшего образования РФ***

1. Кузнецов, А.В. Неэпифеноменальность явлений сознания в осмыслении научной деятельности / А.В. Кузнецов, А. В. Кузнецова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – Серия: Философия. Социология. Право. – Белгород, 2010. – № 20 (91). Выпуск 14. – С. 235–242. (личный вклад автора – 0,25 п.л.)

2. Кузнецов, А.В. Императив субстанциональной ретроспективности в научном познании / А.В. Кузнецов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – Серия: Философия. Социология. Право. – Белгород, 2013. – № 23 (166). Выпуск 26. С. 20–24. (0,5 п.л.)

3. Кузнецов, А.В. Проблема цели науки в философии научного реализма / А.В. Кузнецов, И.А. Майданская // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – Серия: Философия. Социология. Право. – Белгород, 2015. – № 2 (199). – С. 32–36. (личный вклад автора – 0,25 п.л.)

4. Кузнецов, А.В. Системность в организации упорядоченных компонентов физической картины мира в методологии науки / А.В. Кузнецов, А.В. Кузнецова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – Серия: Философия. Социология. Право. – Белгород, 2015. – №8 (205). – Выпуск 32. – С. 30–38. (личный вклад автора – 0,25 п.л.)

5. Кузнецов, А.В. Мифологическое сознание романтиков в аспекте допредикативных структур архетипных состояний человеческого духа / А.В. Кузнецов, А.В. Кузнецова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – Серия: Философия. Социология. Право. – Белгород, 2015. – №14 (211). Выпуск 33. – С. 87–91. (личный вклад автора – 0,25 п.л.)

6. Кузнецов, А.В. Знаково-символическая парадигма в культурологическом знании / А. В. Кузнецов, А.В. Кузнецова // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право». – № 24 (245). – Вып. 38. – Белгород, 2016. – С. 82–87. (личный вклад автора – 0,25 п.л.)

7. Кузнецов, А.В. О гуманитарном потенциале взаимодействия философского и физико-математического знания / А.В. Кузнецов, В.В. Мороз

// Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. – №4 (50). – Тверь, 2019. – С. 24–32. (личный вклад автора – 0,26 п.л.)

8. Кузнецов, А.В. Антропологический опыт в концептуальных допущениях физической картины мира / А.В. Кузнецов, О.Н. Римская // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. – №3 (39). – 2021. – С. 51–57. (личный вклад автора – 0,25 п.л.)

9. Кузнецов, А.В. Глобальная сетевая коммуникация и человек «рациональный» / А.В. Кузнецов, Р.А. Дунаев // НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. – 2021. – Том 46, №4. – С. 662–668. (личный вклад автора – 0,2 п.л.)

10. Кузнецов, А.В. Концептуализация рациональной картины мира в абдукции антропологического опыта / А.В. Кузнецов // НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. – 2021. – 47 (2). – С. 388–393. (0,4 п.л.)

11. Кузнецов, А.В. Человекоразмерность науки и высшего образования в контексте культурной политики / А.В. Кузнецов // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. – №2 (46). – 2022. – С. 20–27. (0,5 п.л.)

12. Кузнецов, А.В. Егоров Н. С. Авторство в культурно-технологическом дискурсе / А.В. Кузнецов, Н.С. Егоров // НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. – 2023. – 55 (2). – С. 396–405. (личный вклад автора – 0,2 п.л.)

13. Кузнецов, А.В. Концепт «антропологический опыт» в работах Ф. Бэкона и Р. Декарта / А.В. Кузнецов // Наука. Искусство. Культура. – 2023. – № 4 (40). – С. 34–40. (0,75 п.л.)

14. Кузнецов, А.В. Концепт «антропологический опыт» в философии Д. Юма / А.В. Кузнецов // Наука. Искусство. Культура. – 2024. – №1 (41). – С. 200–206. (0,41 п.л.)

15. Кузнецов, А.В. Музыка в формировании картины мира: к проблеме жанра арии / А.В. Кузнецов, Я.В. Шевелёва, Ян Тиний // Наука. Искусство. Культура. – 2024. – №2 (42). – С. 41–54. (личный вклад автора – 0,2 п.л.)

***Работы в рецензируемых научных изданиях, входящих в
международные реферативные базы данных и системы цитирования
Web of Science и Scopus:***

16. Kuznetsov, A.V. The problem of aim of science in the philosophy of scientific realism / Maidanskaya I.A., Kuznetsov A.V., Rimsky V.P., Reznik S.V., Mariasova E.A. // Journal of History Culture and Art Research. – 2017. – Vol. 6, №3. – P. 1480 –1489. (Web of Science) – 0,57 (личный вклад автора – 0,22 п.л.)

17. Kuznetsov A.V. Ontology of the nanoworld: system approach and the concept of evolutionism / Beilin M.V., Gazniuk L.M., Kuznetsov A.V., Lipich T.I.,

Reznik S.V. // Amazonia Investiga. – 2018. – Vol. 7, № 13. – P. 50–57 (Web of Science) – 0,46 (личный вклад автора – 0,18 п.л.)

18. Kuznetsov A.V. Anthropogenic activity: risks and protection safety of human life / Andrei V. Kuznetsov, Mikhail V. Beilin, Lidiia M. Gazniuk, Mikhail V. Struchaev, Dmitrij K. Manohin, Ekaterina Yu. Chistyakova // / Revista Publicando, 5 No 16. (1). 2018, 598–605. (Web of Science) – 0, 52 (личный вклад автора – 0,22 п.л.)

19. Kuznetsov, A.V. Conceptualization of the experience of the individual in the educational space in the light of scientific rationality as a problem of professional identity in global and sociocultural dynamic / Kuznetsov A.V., Ivashina R.A., Chistyakova E.Y., Reznik S.V. // Revista San Gregorio. – 2019. – Vol. 32, spec. is., August. – P. 182–188. (Web of Science). – 0,4 (личный вклад автора – 0,2 п.л.)

20. Kuznetsov, A.V. Conceptualization of Romantism in Music as Gnoseo-Axiological Problem of Personality / Kuznetsov A.V., Alina Kuznetsova, Olga Kurganskaya, Etery Kaishaury. // Dilemas contemporaneos-educacion politica y valores. Year VI, Publication no.3, May 2019 Title 64 E-ISSN: 2007-7890 (Web of Science) (личный вклад автора 0,22 п.л.)

21. Kuznetsov, A.V. Methodological and practical aspects of developing the unit objects pools in system-object models / Zhikharev A.G., Matorin S.I., Buzov A.A., Kuznetsov A.V., Chekanov N.A. // International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering. – Volume-8. – Issue-6S3. – April 2019. – pp. 582-585 (Scopus) (личный вклад автора – 0,12 п.л.)

22. Kuznetsov, A.V. Characteristic features of relationships between intelligence and imagination in the synthesis of conceptualized forms of knowledge / Andrey Kuznetsov, Alexander Zhikharev, Olga Kurganskaya, and Alina Kuznetsova // SHS Web of Conferences. – EDP Sciences, 2019. – Т. 72. (01020) – (Scopus) (личный вклад автора – 0,12 п.л.)

23. Kuznetsov, A.V. To the Problem of the Coefficient Calculus of the Nodal Object In the System-Object Models // Alexander G. Zhikharev, Sergey I. Matorin, Andrey V. Kuznetsov, Sergey V. Zherebtsov and Nikolay A. Tchekanov. // Journal of advanced research in dynamical and control systems – 2018. – Special is. 10. – P. 1806 –1812. (Scopus) (личный вклад автора – 0,11 п.л.)

24. Kuznetsov, A.V. Stress-strain state of the short eccentrically compressed reinforced concrete columns with nonlinear creep / Anton Chepurnenko, Ludmila Dubovitskaya, Vladimir Vanja, Damian Ortega and Andrey Kuznetsov. E3S Web of Conferences. 281 (2021) 01049. DOI: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202128101049> – (Scopus) (личный вклад автора – 0,11 п.л.)

Монографии

25. Кузнецов, А.В. Физическая картина мира: логико-гносеологические основания и онто-гносеологическое обоснование / А.В. Кузнецов. – Курск: Курск. гос. ун-т, 2008. – 197 с. (11,4 п.л.)

26. Кузнецов, А. В. Инвариантность «культурных констант» и фактуализация аксиологических и деривантных матриц в обыденности рационального человека // Общество. Культура. Человек / Н.А. Балаклеец, И.А. Беляев, Е.П. Галкина [и др.]. – Тольятти: Институт судебной строительно-технической экспертизы, 2024. – 152 с. (личный вклад автора – 0,51 п.л.)

Статьи в других научных сборниках и журналах

27. Кузнецов, А.В. Проблема синтеза физической картины мира в философии Нового времени / А.В. Кузнецов // Проблемы истории отечественной и зарубежной философии и современность: Сб. научн. статей аспирантов – Курск: Изд-во КГПУ, 1999. – С. 99–107. (0,5 п.л.)

28. Кузнецов, А.В. К вопросу об эпистемологическом перевороте в европейской научной рациональности / А.В. Кузнецов // Научная рациональность и структуры повседневности / тезисы научн. конф. (г. Санкт-Петербург, 22-23 ноября 1999 г.) – С. 86. (0,1 п.л.)

29. Кузнецов, А.В. Античные истоки в горизонте понятия «научная картина мира» / А.В. Кузнецов // Третьи Илиадиевские чтения: Тезисы докладов и выступлений международной научной конференции (г. Курск, 4 мая 2000 г.). Курск, 2000. – С. 50–52. (0,3 п.л.)

30. Кузнецов, А.В. Роль принципов в синтезе физической картины мира / А.В. Кузнецов // Проблема конструктивности научного и философского знания: Сб. науч. ст.: Выпуск первый. – Курск: КГПУ, 2001. – С. 76–97. (1,13 п.л.)

31. Кузнецов, А.В. Роль принципов в получении и обосновании физического знания / А.В. Кузнецов // Четвертые Илиадиевские чтения: Цивилизация на рубеже тысячелетий: проблемы, закономерности, тенденции. Матер. международной научн.-практ. конференции (г. Курск, 14-15 мая 2002 г.). – Курск: КГПУ, 2002. – С. 15–17. (0,3 п.л.)

32. Кузнецов, А.В. Специфика методологических проблем синтеза физической картины мира / А. В. Кузнецов // Рационализм и культура третьего тысячелетия: Материалы Третьего Российского Философского конгресса (16-20 сент. 2002 г.) в 3 т. – Т. 1.: Философия и методология науки. – Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ. 2002. – С. 56. (0,1 п.л.)

33. Кузнецов, А.В. Синтетические тенденции культурной политики в контексте синергетического подхода / А.В. Кузнецов, З.Д. Ильина // Перспективы синергетики в XXI: Сборник материалов Международной

научн. конференции: В 2 т. – Белгород: Изд-во «Белаудит»; БГТУ им. В.Г. Шухова, 2003. – Том I. – С. 88–93. (личный вклад автора – 0,17 п.л.)

34. Кузнецов, А.В. Принципы симметрии и системности в синтезе физической картины мира / А.В. Кузнецов // Проблема конструктивности научного и философского знания: Сборник статей: Выпуск второй. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2003. – С. 13–57. (2,3 п.л.)

35. Кузнецов, А.В. Человеческое бытие как опыт трансценденции / А.В. Кузнецов // Человек: Диагноз и прогноз в социально-гуманитарном знании: Сб. науч. ст. / Под ред. Е.А. Когай. – Изд-во Курск. гос. ун-та, 2004. – С. 33–43. (0,53 п.л.)

36. Кузнецов, А.В. К вопросу о методологических недомоганиях системы образования в свете научной рациональности / А.В. Кузнецов // Ученые записки РОСИ: Выпуск 11: Проблемы социогуманитарных дисциплин. – Курск: Изд-во РОСИ, 2004. – С. 5–14 (0,5 п.л.)

37. Кузнецов, А.В. Принципы конструирования понятийных систем в структуре фундаментальной физической теории и физической картины мира / А.В. Кузнецов // Пятые Илиадиевские чтения: Матер. международной научн.- практ. конференции (г. Курск, 14-15 мая 2004 г.) – Курск: – Изд-во Курск. гос. ун-та, 2004 г. – С. 60–62. (0,2 п.л.)

38. Кузнецов, А.В. Междисциплинарное взаимодействие в процессе синтеза физической картины мира / А.В. Кузнецов // Проблема конструктивности научного и философского знания: Сборник статей: Выпуск третий. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2004. – С. 46–53. (0,39 п.л.)

39. Кузнецов, А.В. Логико-гносеологические основания синтеза физической картины мира / А.В. Кузнецов // Философия и будущее цивилизации: Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса (Москва, 24-28 мая 2005 г.) – М.: Современные тетради, 2005. – Т. 1. – С. 347–348. (0,1 п.л.)

40. Кузнецов, А.В. Историзм в методологии истории науки и конструктивность понятийной системы / А.В. Кузнецов, В.В. Рязанцев // Ученые записки РОСИ: Выпуск 12: Проблемы социогуманитарных дисциплин / науч. ред. и предисловие А.В. Кузнецов, В.В. Рязанцев. – Курск: Изд-во РОСИ, 2005. – С. 271–244. (личный вклад автора – 1 п.л.)

41. Кузнецов, А.В. Логико-гносеологические основания физической картины мира в системе онтологических утверждений и конструктивных допущений / А.В. Кузнецов // Проблема конструктивности научного и философского знания: Сборник статей: Выпуск пятый/ Предисловие В.Т. Мануйлова. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2005. – С. 41–59. (1,12 п.л.)

42. Кузнецов, А.В. Конструктивный и формально-феноменологический подходы в эпистемологическом следствии принципа

двойственности / А.В. Кузнецов // Проблема конструктивности научного и философского знания: Сборник статей: Выпуск шестой/ Предисловие В.Т. Мануйлова. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2005. – С. 37–43. (0,28 п.л.)

43. Кузнецов, А.В. Диалог методологической и идеологической культур в концепции высшего образования / А.В. Кузнецов, В.В. Рязанцев // Ученые записки РОСИ: Выпуск 12: Проблемы социогуманитарных дисциплин/ науч. ред. и предисловие А.В. Кузнецов, В.В. Рязанцев. – Курск: Изд-во РОСИ, 2005. – С. 7–38. (личный вклад автора – 1 п.л.)

44. Кузнецов, А.В. Диалектика формы и содержания взаимосвязи «симметрия – сохранение» в абстрактных математических пространствах / А.В. Кузнецов // Проблема свободы личности и общества в социально-гуманитарном дискурсе: Материалы всероссийской научной конференции (Курск, 16-17 мая 2006 г.) – Курск: Курск. гос. ун-т, 2006. – С. 376–381. (0,3 п.л.)

45. Кузнецов, А.В. Диалог чувственного и рационального в парадигме языка / А.В. Кузнецов // Человек. Язык. Культура: Межвузовский сборник статей. Выпуск 6. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-т, 2006. – С. 33–39. (0,4 п.л.)

46. Кузнецов, А.В. О конструктивности философии в физическом познании / А.В. Кузнецов // Проблема конструктивности научного и философского знания: Сборник статей: Выпуск девятый/ Предисловие В.Т. Мануйлова. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2007. – С. 37–43. (0,4 п.л.)

47. Кузнецов, А.В. Любить или знать: диалектика нелюбви и метафизика воображения / А.В. Кузнецов // Церковь и общество: проблема взаимодействия религиозного и научного знания: матер. II научно-образовательных Знаменских чтений (28 февраля – 3 марта 2006 г.): В 2 т. Т. 2; Курск, гос. ун-т. – Курск; Курск. гос. ун-т. 2007. – С. 177–186. (0,5 п.л.)

48. Кузнецов, А.В. Императивы субстанциональной ретроспективности и гносеологической призмы в историко-генетическом подходе / А.В. Кузнецов // Вестник истории и философии Курского государственного университета. – № 1(3) – Серия «История». – Курск: Курск. гос. ун-т, 2008. – С. 58–65. (0,5 п.л.)

49. Кузнецов, А.В. Роль дисциплин социально-гуманитарного блока в концепции высшего образования и социальные аспекты их преподавания / А.В. Кузнецов // Сборник материалов Всероссийской научно-практической электронной конференции с международным участием «Язык. Коммуникация. Культура» (21 – 28 января 2008 г., Курск). – Курск, КГМУ, 2008. – С. 22–35. (1,1 п.л.)

50. Кузнецов, А.В. Энтропия нелюбви и дивергенция любви / А.В. Кузнецов // Проблематизация человеческого бытия в современном мире:

материалы всероссийской научной конференции (Курск, 15–16 мая 2008 г.). – Курск: Курск. гос. ун-т, 2008. – С. 22–27. (0,4 п.л.)

51. Кузнецов, А.В. Семантическое пространство концептуализированного опыта в акциденции потребления / А.В. Кузнецов // Вестник философии и социологии Курского государственного университета. – № 2. – «Социокультурное пространство современной России: Курск: КГУ, 2012. – С. 297–302. (0,5 п.л.)

52. Кузнецов, А.В. К вопросу о рациональной методологии в социальном образовании / А.В. Кузнецов // Социальная работа в современной России: взаимодействие науки, образования и практики: материалы IV Междунар.науч.-практ. конф. – Белгород: ИД «Белгород», 2012. – С. 126–128. (0,2 п.л.)

53. Кузнецов, А.В. Толерантность как культурный код в свете дискуссии Минкультуры РФ об «Основах государственной политики» / А.В. Кузнецов. Белгород, 2015. –URL: <https://bsuedu.ru/upload/iblock/e52/tol.pdf>. (0,4 п.л.)

54. Кузнецов, А.В. Экзистенциальный статус идеализаций с непространственными свойствами как элемент физической реальности / А.В. Кузнецов // Наследие М.К. Петрова: философия, культурология, науковедение, регионалистика: сборник научных статей / Белгородский государственный институт искусств и культуры; Южный федеральный университет. – Белгород: Белгородский государственный институт искусств и культуры, 2016. – С. 92–95. (0,2 п.л.)

55. Кузнецов, А.В. Проблема культурного кода и практики обеспечения духовных ценностей / А.В. Кузнецов, А.В. Кузнецова, Н.С. Михайлова // Евангелие в контексте современной культуры: материалы IV междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 200-летию митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова) и 140-летию НИУ БелГУ, Белгород, 19-20 мая 2016 г. / Московский Патриархат Русской православной церкви, НИУ БелГУ; под ред. Т.И. Липич, С.М. Дергалева, П.А. Ольхова. - Белгород, 2016. – Ч. 2. – С. 297–300. (0,2 п.л.)

56. Кузнецов, А.В. Метаморфозность лейтмотивной системы в «Кольце нибелунга» Рихарда Вагнера / А.В. Кузнецов, А.В. Кузнецова // Наука. Искусство. Культура. – 2016. – № 4 (12). – С. 34–40. (личный вклад автора – 0,25 п.л.)

57. Кузнецов, А.В. «Революция надежды» Э. Фромма и проблема самосознания в постиндустриальном обществе / А. В. Кузнецов, А.А. Теслев // Революции в отечественной и мировой истории: к 100-летию российских революций 1917 года: Материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 14 апреля 2017 года / Под редакцией В.М. Доброштан, С.И. Бугашева, А.С. Минина, Т.В. Рабуш. – Санкт-Петербург: Санкт-

Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2017. – С. 174–176. (личный вклад автора – 0,1 п.л.)

58. Кузнецов, А.В. К вопросу о современном состоянии и перспективах развития феномена традиционной культуры / А.В. Кузнецов // Традиционные культуры народов мира: история, интерпретация, восприятие: материалы междунар. науч.-практ. конф. / НИУ БелГУ. – Белгород, 2017. – С.115–117. (0,2 п.л.)

59. Кузнецов А.В. Проблема самосознания в культуре новых медиа / А.В. Кузнецов, А.А. Теслев // Актуальные проблемы развития науки и современного образования: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Белгород, 10 апреля 2017 года. – Белгород: Издательский дом «Белгород», 2017. – С. 303–305. (личный вклад автора – 0,1 п.л.)

60. Кузнецов, А.В. Идеи рационализма в классицизме / А.В. Кузнецов // Фортепианное наследие композиторов венской школы: история, педагогика, интерпретация сборник материалов I Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. ГБОУ ВО «Белгородский государственный институт искусств и культуры», Региональный учебно-методический центр по художественному образованию, 2018. – С. 113–116. (0,3 п.л.)

61. Кузнецов А.В. Синтез фізичного знання в методології комплексного підходу / А.В. Кузнецов // Практична філософія. – № 2 (72). – 2019. – С. 97–102. (0,4 п.л.)

62. Кузнецов, А.В. Оптимизация системно-объектных имитационных моделей. Часть 1 / А.В. Кузнецов, А.Г. Жихарев, А.А. Бузов, И.А. Егоров, Ю.В. Жинкина // Научные ведомости БелГУ. Сер. Экономика. Информатика. – 2019. – № 2. – Том 46. – С. 311-325. (личный вклад автора – 0,1 п.л.)

63. Кузнецов А.В. Концептуализация понятий свободы и ответственности при выявлении тенденции изменения референтного поля объектов философского анализа / А.В. Кузнецов // Евангелие в контексте современной культуры»: сборник научных статей VII Междунар. науч.-практ. конф., г. Белгород, 16 мая 2019 г. / под ред. Т.И. Липич, С.М. Дергалева, С.Н. Борисова. – Белгород: ООО «Эпицентр», 2019. – С. 129–132. (0,2 п.л.)

64. Кузнецов, А.В. Педагогические профессиональные сообщества и проблема концептуализации опыта личности в свете научной рациональности / А.В. Кузнецов, Р.В. Шилишпанов // Что такое сообщество? Социальная герменевтика, власть и медиа. Сборник материалов Международной научной конференции. 2019. – Издательство: ООО «Эпицентр», 2019. – С. 145–147. (личный вклад автора – 0,1 п.л.)

65. Кузнецов, А.В. Миметическая концепция классицизма как сукцедент энтелехии науки / А.В. Кузнецов // Фортепианное наследие

композиторов венской школы: история, педагогика, интерпретация: сборник материалов II Международной научно-практической конференции (г. Белгород, 15 мая 2019 г.) / ответственный редактор Л.А. Роменская. – Белгород: БГИИК, 2019. – С. 19–21. (0,21 п.л.)

66. Кузнецов, А.В. К вопросу о концептуализации антропологического опыта в неоднородной метаязыковой событийности / А.В. Кузнецов // Наука. Искусство. Культура. – Выпуск 2 (30). – 2021. – С. 80–89. (0,49 п.л.)

67. Кузнецов, А.В. К вопросу о концептуальных основаниях физической картины мира в абдукции антропологического опыта / А.В. Кузнецов // Практическая эпистемология и технологии естественнонаучного образования: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции (г. Белгород, 20 апреля 2022 г.) / Отв. ред. И.Н. Беляева, И.Б. Костина, В.Е. Пеньков, Л.Н. Трикула, С.Д. Чернявских. – Белгород, ИД «Белгород», 2022. – С. 116–121. (0,4 п.л.)

68. Кузнецов, А.В. Проблема определения онтологической природы нарративов сознания в аналитической философии и психологии (К. Юнг, Д. Денет, П. Рикёр) / А.В. Кузнецов, В.О. Шелекета, И.А. Монастырская, И.С. Лагутина // Международный научно-исследовательский журнал. – 2023. – № 2 (128). – URL: <https://research-journal.org/archive/2-128-2023-february/10.23670/IRJ.2023.128.45> (дата обращения: 07.06.2023). – DOI: 10.23670/IRJ.2023.128.45. (личный вклад автора – 0,1 п.л.)

Кузнецов Андрей Владимирович

**КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ОПЫТА
В РАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЕ МИРА**

Специальность 5.7.8 Философская антропология, философия культуры

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук

Подписано в печать
Формат 60 x 84 1/16
Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Усл.-печ. л. 2,5. Тираж 150 экз.
Заказ №